

Галина Щербакова

Вечер был...

Зои Синцовой в троллейбусе вытащили кошелек с Кинулась она на остановке, побежала за троллейбусом, но поскользнулась, упала. Чулок, конечно, пополз, ногу саднило, и Зоя подумала, что, если б сейчас на нее что-нибудь наехало большое и сразу, ей-богу, это был бы выход. Но ничего не наехало, и Зоя, хромя, перебралась на тротуар. Потом открыла сумочку еще раз, рукой, без перчатки, полезла в глубину, ощупывая привычные вещи: выщербленное на углу зеркальце, пластмассовую пудреницу, щетку для волос, тюбик помады. Помада оказалась открытой, Зоя выпачкала пальцы и тут же, зло, с отчаянием, стала вытирать их о подкладку сумочки. «Какая разница, — твердила она, — какая разница».

Кошелек не было. Из всех несчастий, которые могли сейчас обрушиться на Зою, это казалось ей самым страшным. Вместе с получкой лежали деньги из «черной кассы», в которой Зоя состояла и куда каждый месяц вносила десятку. Она упросила уступить ей на этот раз, потому что не было другой возможности расплатиться с самыми нетерпеливыми долгами.

Что делать теперь, Зоя не знала. Она

чувствовала, как вся вспотела, отчего лифчик стал сразу душным и тесным. Зоя старалась хорошо, полно вздохнуть и не могла. Поэтому дышать приходилось часто и мелко, и от этого сердце, царапаясь, подымалось прямо к горлу, ближе к воздуху. И снова Зоя подумала, что, остановись оно сейчас, это проклятое сердце, тоже было бы лучше. Дети? Дети?.. Что от нее дети имеют? Видит она их два часа в сутки — час утром и час вечером. Им садик дом родной. Так бы все было и без нее...

Зоя шла тяжело, медленно, не глядя под ноги, по привычке попадая на деревянные дощечки, брошенные там и сям по дороге. Вокруг Зоино дома шло строительство, была непролазная грязь, и дощечки были брошены сердобольным прорабом, который жалел людей, да и сам жил в Зоинем доме. Вокруг девятиэтажной стройки горели прожекторы, работала третья смена. Зоя слышала голоса рабочих, видела, как на втором этаже две женщины оклеивали комнату обоями. Третья сидела на подоконнике, повернувшись к Зое ссутулившейся спиной. Те, что клеили, смеялись, что-то рассказывая друг другу, потом одна из них попросила о чем-то ту, что сидела на окне, та встала, взяла в руки рулон обоев, а женщина с освобожденными руками стала кого-то передразнивать. Она кругло разводила руками, потом протягивала их вперед, топорщила плечи, а

женщины хохотали так, что одна, наверное, даже на пол села, потому что Зоя перестала ее видеть.

Зое очень хотелось подняться к ним и спросить, сколько они зарабатывают, потому что последнее время она часто думала о том, что надо найти другую работу, где платят лучше. А сейчас узнать это было просто необходимо.

Зоя посмотрела на освещенное окно на втором этаже и решительно шагнула прямо в слегка застывшую от первого мороза грязь — прорабские дощечки к стройке не вели. Вход был с другой стороны. Зоя приготовила первую фразу, с которой она обратится к женщинам. Поправила шерстяной косячок на голове и попробовала ее произнести.

Лучше б она этого не делала. Стоило ей сказать слово, и потекли такие соленые и обильные слезы, что Зоя даже задохнулась. Куда там идти? Она смазывала их ладонью со щек, но это было пустое дело. Слезам конца не виделось. Надо было как-то переждать здесь, где не ходят люди, не показываться же вот такой зареванной? Зоя села на свалянные концы косячка, расстегнула верхнюю пуговицу пальто, и слезы тут же высохли. «Вот так у меня всегда, — горько подумала она, — когда не надо, слезы бегут, а села поплакать — не плачется. Все наоборот». Но и встать сил не было. Было тихо, темно, лишь время от времени что-то звякало на стройке, да кто-нибудь, идя Зоиной дорогой, не

находил ногой дощечку и поругивался.

* * *

Зоя после школы в институт не попала: не хватило трех баллов. Особенно сокрушаться было неловко, у многих не хватило всего одного балла: им было обидней. Мать Зои решила так: дочь конкурса не выдержит и на будущий год. Есть единственный для нее путь — накапливать стаж. Будет два года — тогда можно сдать кое-как. У производственников льготы. Она устроила Зою на курсы машинописи — сама мать тоже была машинисткой, — а потом нашла ей и работу, чтоб не очень сложная и в интеллигентном кругу. Так Зоя попала в машинописное бюро одного треста. Работа Зое не нравилась, но это была работа «на время» и «для стажа». Многие ее подружки работали кое-где. Та, что не попала в артистки, служила, например, регистраторшей в поликлинике. Та, что не прошла в геологоразведочный, пошла на курсы продавцов. Да мало ли куда приткнулись девчонки? Все «зарабатывали стаж», через два года собирались повторить попытку.

Зоя не поступила и через два года. Села готовиться и увидела — ничего не помнит. Ведь была же неплохой ученицей, шла в основном на

четверки, а через два года уже ничего не знала. Учебники открыла и — как в первый раз. Что-то очень смутно помнилось, но больше чепуха всякая. Вот, например, когда образ Ноздрева проходили, у учительницы Людмилы Артемовны стоял, на столе букет сирени, а она сама была в бледно-розовом платье. Сирень на розовом — это было красиво и почему-то очень взволновало Зою. Помнила, что однажды на истории получила пятерку. И историк Павел Николаевич шутливо ей поаплодировал.

Ничего не помнила Зоя из этой прекрасно рассказанной тогда темы. Помнит чушь: когда села за парту, гордая и счастливая, забыла перебросить вперед косы. И уж тут-то ее сосед сзади порезвился вовсю. Прикнутил косы к своей парте, навтыкал в них все, что у него было: скрепки, колпачки от авторучек, значки. А она, дура, переживая свой успех, ничего не заметила.

С памятью вообще что-то происходило непонятное. До чернильного чертика виделись и наизусть вспоминались какие-нибудь страницы, а потом ни одного слова... Зоя поняла, что на экзамене провалится, испугалась, засуетилась. Стала пить по совету подружки, что работала регистраторшей в поликлинике, какие-то таблетки от сна, голова от них была пустой и легкой. Трель — зазвенит. Зоя читала по параграфам, потом по страницам, по абзацам и видела, как остается такой

же легкой и незамутненной ее намять. На первом же экзамене — Зоя получила двойку.

Мать повела Зою к врачу. Зое прописали уколы и посоветовали поменять профессию. Оказывается, так на память могли повлиять постоянные цифры и сводки, которые Зоя печатала. Ей, дескать, нужна более живая, эмоциональная работа. Мать почему-то на это обиделась. Что ж она, своей дочери хуже хотела сделать? Она, мать, сама машинистка, уже двадцать пять лет стучит, писчий спазм заработала, а что ни прочтет — помнит. И она рассказывала стихотворение, которое слышала, когда ей было четыре года, от бабушки.

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка
И встретила сироту.
Приютила и согрела. И поесть дала ему.
Положила спать в постельку,
Как тепло! — промолвил он..
Закрыв глазки. Улыбнулся
И заснул спокойным сном.

Короче, осталась Зоя на прежней работе.

Неудачу свою скрывала, говорила, что никуда не поступала, передумала, будет пробовать на следующий год. Но сама знала, что на следующий год уже не решится. И тут ее стали сватать. Материна старая приятельница привела к ним в дом своего племянника, который пришел из армии. Был он парень скромный, вежливый, работал электриком в жэке. Имел комнату. И Зоя вдруг решила, что, если выйдет замуж, никто уже не будет задавать ей вопросы об институте, от которых она всегда приходила в смятение. Станет она женой, перейдет в иную категорию, где другая жизнь и вопросы задают другие. Слышала Зоя, о чем говорили девчонки, которые уже вышли замуж. «Купила я мужу нейлоновую рубашку, ее нужно гладить?», «А ты не знаешь, мужские носки с двух сторон стираются или с одной?», «По-моему, два антрекота по 37 копеек лучше, чем десять котлет за 60»... Зоя с интересом слушала эти разговоры. Они волновали ее так же непонятно, как когда-то сиреневый букет и розовое платье учительницы. А Виктор был вполне хорошим парнем. Он поступил в вечерний техникум, собирался в институт, убеждал и Зою учиться дальше! Зоя решила и ему первому рассказала, как забыла все за два года, какой освобожденно пустой стала ее голова. Сказала ему и о том, что, может, виновата во всем ее профессия, уж больно она нудная...

Тогда они и решили. Поженятся, устроятся, и бросит Зоя свою работу. Сядет за книжки и будет готовиться. Конечно же хотеть быть учителем литературы и без конца печатать цифирные ведомости... «Это исключает друг друга, — твердо сказал Виктор. — Врач прав».

А потом была свадьба. Машина с желтыми обручами на дверцах, переезд в комнату Виктора. Соседями у него были молодожены Тамара и Алеша. Они их посыпали' в коридоре перловой крупой, Тамара так хохотала, что у нее лопнула застежка на пояске. Они стали смеяться еще сильнее, обессиленные от смеха, уселись на пол в прихожей, прямо на крупу. Она покалывала, набивалась в 'чулки, туфли. Тамара и Зоя убежали в ванну вытряхиваться. Бросали зернышки прямо в раковину. Те мелко и весело постукивали. А когда Зоя и ее новая подруга вернулись, их мужья перловкой выложили на полу: «Женам — ура!»

Сразу после замужества уйти с работы было неудобно. Машинописное бюро, сложившись, купило Зое на свадьбу трехрожковую люстру. Поэтому молодые решили чуть подождать: пусть пройдет время. Все было распланировано и учтено, кроме того, что Зоя забеременеет сразу. Обрадовалась она невероятно, тем более что и соседка Тамара ходила тогда на пятом месяце. Будущие мамы пошептались и договорились: